

У Яньцю

Шаосин, КНР

Цю Сюэпин

Владивосток, Россия

**К ВОПРОСУ КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»**

**АННОТАЦИЯ.** Авторы поставили цель раскрыть проблему лингвокультурной и профессиональной адаптации историков-эмигрантов «первой волны», а также ответить на следующие вопросы: какую миссию выполняла русская эмиграция, прежде всего интеллигенция, каково было место историков-эмигрантов Русского Китая в общем потоке русской эмиграции, а также каковы были их функции? Авторы считают, что в эмиграции оказался цвет российской нации, представители ее богатой культуры, науки и образования. Эти люди взяли на себя миссию по сохранению культуры, исторической памяти, исторических ценностей и традиций России, по осмыслению трагического опыта революции и Гражданской войны. Новизна научной статьи состоит в подтверждении того факта, что, будучи в изгнании, историки-эмигранты постоянно подчеркивали общность судьбы эмигрантов и России. Одни оправдывали советский режим и пытались возвратиться на Родину, другие всеми доступными средствами в своих произведениях, научных трудах вели борьбу с советским режимом. Главным их орудием было печатное слово. В своих научных трудах они пытались проанализировать и осмыслить произошедшее с Россией, их волновала судьба России, они строили планы ее возрождения и обновления. В полной мере представлены политические аспекты культурно-лингвистической и профессиональной адаптации историков-эмигрантов того периода. Русская эмиграция не растворилась в принявшем ее китайском обществе, а адаптировалась к новым условиям. Процессу объединения оказавшихся в эмиграции историков мешали различия в политических взглядах: среди эмигрантов были монархисты, республиканцы, либералы, демократы, меньшевики, фашисты и сторонники других взглядов, жаждавшие ликвидации большевистского режима, а также готовые к сотрудничеству с ним деятели («сменовеховцы»). Несмотря на разногласия, в среде научной эмиграции, в том числе в историческом сообществе, существовало связующее звено — ее духовная, историко-культурная миссия. Помимо сохранения национальных культурных традиций, историки Русского Китая внесли значительный вклад в установление контактов и взаимообогащение двух великих культур и цивилизаций — русской и китайской.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** историки-эмигранты; историческая миссия; социальная адаптация; русский язык; русская эмиграция; народные традиции; диаспоры; интеллигенция.

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:** У Яньцю, кандидат исторических наук, старший преподаватель, заместитель директора института европейских языков и заведующий кафедрой русского языка, Чжэцзянский институт иностранных языков «Юэсю», КНР; 312030, Unit 1001, China, Zhejiang Province, Shaoxing City, Yuecheng District, Qunxianroad No. 2801, foreign teacher building 1, Jinghu campus of Zhejiang Yuexiu university of foreign language; e-mail: 254319172@qq.com.

Цю Сюэпин, аспирант кафедры отечественной истории, Дальневосточный федеральный университет, РФ; 312030, Unit 1001, China, Zhejiang Province, Shaoxing City, Yuecheng District, Qunxianroad No. 2801, foreign teacher building 1, Jinghu campus of Zhejiang Yuexiu university of foreign language; e-mail: qiuqiu1984815@163.com.

Эмиграция и адаптация — взаимосвязанные, взаимообусловленные явления. Адаптация — постоянный фактор исторического процесса, она перманентна и присуща человечеству на всех этапах его развития. Каждая эпоха, каждая страна пребывания эмигрантов в плане адаптации имеют свои особенности. Неповторимыми характеристиками обладала и адаптация русской эмиграции в Китае, во многом зависевшая от условий страны-реципиента.

Рассуждая об этом, историки Н. Л. Горкавенко и Н. П. Гридина замечают: «Налицо неоднозначность этого процесса, сложного и противоречивого, не столь идеализированного, каким его представляют некоторые исследователи. При этом нельзя забывать об одном важном факторе — Восток, в частности Маньчжурия, по культуре и мировоззрению резко отличался от стран, близких России по менталитету, что, естественно, осложняло адаптацию российской научной интеллигенции в Маньчжурии» [Горкавенко, Гридина 2000: 63].

В эмиграции оказался цвет российской нации, представители ее богатой культуры,

науки и образования. Какую миссию выполняла русская эмиграция, прежде всего интеллигенция? Каково было место историков-эмигрантов Русского Китая в общем потоке русской эмиграции? Каковы были их задачи? На последний вопрос ответ очевиден: прежде всего это сохранение культуры, исторической памяти, исторических ценностей и традиций России, а также осмысление трагического опыта революции и Гражданской войны.

Будучи в изгнании, историки-эмигранты постоянно подчеркивали общность судьбы эмигрантов и России, напряженно размышляли над этой идеей. Одни оправдывали советский режим и пытались возвратиться на Родину, другие всеми доступными средствами в своих произведениях, научных трудах вели борьбу с советским режимом. Главным их орудием было печатное слово. В своих научных трудах эти люди пытались осмыслить произошедшее с Россией, их волновала судьба родной страны, они строили планы ее возрождения и обновления.

Историками-эмигрантами был накоплен и осмыслен громадный, уникальный жизнен-

ный опыт. Проведенные ими в изгнании годы интересны в двух отношениях: во-первых, русская эмиграция в лице своих образованных представителей продемонстрировала перед лицом мира высоты науки и культуры; во-вторых, как представители русской нации они вступали в контакт с другими народами, и в первую очередь с великим китайским народом, получили возможность узнать его со всех сторон.

Оказавшись в изгнании, историки, как и вся интеллигенция, стали предпринимать шаги к тому, чтобы обеспечить свое существование и продолжить профессиональную деятельность. Они смогли образовать устойчивый самодостаточный социум. Русская эмиграция не растворилась в принявшем их китайском обществе, а адаптировалась к новым условиям. «Мощным фактором, повлиявшим на становление и развитие русской эмиграции Маньчжурии, — пишет профессор Е. Е. Аурилене, — явилось присутствие русского уклада жизни в полосе отчуждения КВЖД. Институты „Счастливой Хорватии“, существовавшие в Маньчжурии до массового появления беженцев, значительно облегчили процесс их адаптации» [Аурилене 2003:187]. Заметим, что «Счастливой Хорватией» называлась полоса отчуждения в честь управляющего КВЖД Д. Л. Хорвата.

По примеру европейских центров, дальневосточная эмиграция пытается создавать так называемые академические группы, комитеты, организации. Многие ученые группировались вокруг научно-просветительских учреждений.

Важную роль в этих процессах играл Комитет образовательных учреждений КВЖД, который был представительным органом общественности и педагогов, призванным решать вопросы школьного и вузовского образования [Вопросы школьной жизни 1925: 122—125].

Посильную помощь беженцам в Маньчжурии оказывал культурно-просветительский отдел БРЭМа (Бюро по делам российских эмигрантов) — своеобразное «эмигрантское правительство». На протяжении своего десятилетнего существования Бюро по мере своих возможностей обеспечивало жизнедеятельность диаспоры. Находясь под контролем Японской военной миссии и действуя в предписанных ему рамках, БРЭМ тем не менее был основной опорой эмиграции во всех непредвиденных ситуациях. Конечно, ученые и преподаватели занимались еще и случайными заработками — репетиторством, переводами. А наиболее «удачливые» и продвинутые люди со связями устра-

ивались на работу в вузы и колледжи Харбина и других городов. Национальные учебные заведения, вузы, школы Маньчжурии выполняли важнейшую функцию сохранения исторической памяти в эмигрантской диаспоре. В них дети эмигрантов изучали русский язык, литературу, историю, Закон Божий. Несмотря на то, что с установлением в 1931 г. в Маньчжурии японского оккупационного режима количество русских учебных заведений сократилось, русское образование продолжало оставаться мощным фактором этнокультурного воспроизводства диаспоры [Аурилене 2003: 75].

Культурно-просветительный отдел БРЭМа, хотя и не регулярно, всё же обеспечивал снабжение учебных заведений литературой, произведениями русских писателей. На содержании Главного бюро русской эмиграции в Маньчжурии находилось несколько гимназий [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 60. Л. 304—305], оно координировало работу русских вузов и колледжей Харбина, решало вопросы, связанные с организацией учебного процесса, включая подбор педагогических кадров. На содержании Бюро находилась одна из крупнейших на Дальнем Востоке русских библиотек, насчитывающая около 30 000 томов [Аурилене 2003: 76].

Эмигрантские «читальни» открылись в Русском клубе в помещении духовной семинарии в Модягоу, при районных бюро и отделениях. В издательской части БРЭМ вышли в свет и стали популярными в эмигрантских кругах книги «Пушкин и его время», «Русская история в русской поэзии», «Православная церковь в СССР», «Пантеон воинской доблести и чести» и «Пути русской молодежи» (автор — В. А. Кислицин), «Очерки белого движения на Дальнем Востоке» (автор — В. А. Сергеев) и др. [Аурилене 2003: 76].

Культурно-просветительный отдел БРЭМа занимался организацией регулярных лекций по русской истории и культуре. Представление об их тематике дает план, составленный отделением Бюро в Квантунской области на первое полугодие 1940 года: «Собор 1917 г. и восстановление патриаршества в России», «Силы, создавшие Русское государство», «Как увеличивалась территория России от начала Русского государства до наших дней», «Измаил», «Ломоносов — великий русский ученый и поэт», «Русская монархическая идея» и т. д. [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 35. Л. 9].

«Тематика лекций, — пишет Е. Е. Аурилене, — была нацелена на формирование национального самосознания у молодого поколения эмигрантов в духе традиционного

принципа российской государственности: „Бог. Царь. Отечество“. Аналогичную задачу выполняли периодические издания Бюро — газета „Голос эмигрантов“ и журнал „Луч Азии“. „Голос эмигрантов“ предлагал читателю специальную рубрику: „Через познание России — к освобождению“. Заголовки статей, печатавшихся под этой рубрикой, демонстрируют стремление редакции охватить различные аспекты российской истории: „Российская империя и малые народности“, „Споры о великой России (Идейный кризис русской дореволюционной интеллигенции)“, „Великая земельная реформа Столыпина“ и др.» [Аурилене 2003: 76].

Культурно-просветительный отдел БРЭМа, научные общества способствовали оживлению культурно-просветительной деятельности эмигрантов, распространению знаний о русской науке и культуре в стране проживания. Руководство БРЭМа периодически анализировало идеологическую, социально-экономическую и психологическую обстановку в диаспоре. Для этого привлекались ученые, в том числе историки. Так, 12 февраля 1941 г. доклад «Российская эмиграция и Великая Азия» сделал профессор Н. И. Никифоров [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—24].

Ученые сотрудничали также с теми организациями, которые давали эмигрантам молодого поколения образование, служившее их подготовке к будущей профессиональной деятельности на Родине. Такой организацией в Харбине был ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) [Русский голос. 1920. 25 сент.].

В Маньчжурии в 1920-е гг. действовало 74 русских учебных заведения. 43 работали в Харбине, 31 — на линии КВЖД. Общее число обучаемых к концу 1931 г. составляло около 18 тыс. человек [Аурилене 2003: 31].

Естественно, в этих учебных заведениях работали учителя-историки. По признанию современников, русские учебные заведения в Маньчжурии находились в более благоприятном положении, чем в Европе, где они со второй половины 1920-х гг. закрывались из-за отсутствия финансирования, а дисциплины, связанные с русской культурой и историей, изучались частным порядком. В условиях отсутствия местных научных кадров русским ученым принадлежала инициатива разностороннего исследования Маньчжурии. В Харбине еще до революции существовали научно-исследовательские учреждения, ориентированные на изучение истории, экономики края, например Общество русских ориенталистов (1908—1926 гг.). В 1922 г. в Харбине открылось Общество по

изучению Маньчжурского края (ОИМК), просуществовавшее до 1929 г., у истоков которого стояли талантливые русские ученые, в том числе историки, этнографы, археологи, краеведы. В Обществе работали известные ученые и общественные деятели, среди которых находим автора ряда научных трудов по истории, сибиреведению, оставившего интересные воспоминания об эмиграции И. И. Серебренникова [Серебренников 1940: 75].

В частности, И. И. Серебренников проявлял большой интерес к истории и культуре Китая, в результате чего появились разнообразные очерки, рассказы историко-этнографического характера. Занимался он преподавательской деятельностью в Тяньцзине и Харбине. Иван Иннокентьевич читал на Харбинских кооперативных курсах лекции по сибиреведению, изданные в 1920 г. отдельной книгой.

Творческая деятельность работавших в вузах, научно-просветительных обществах ученых затруднялась необходимостью искать средства к существованию, что отнимало у эмигрантов много сил и времени.

Н. В. Устрялов в книге «У порога Китая» писал: «Вся их (эмигрантов. — Ц. С.) энергия, все помыслы были направлены на добывание куска хлеба для себя и своей семьи... О заработке службой или интеллектуальным трудом почти нечего было думать... эмигранты в своем подавляющем большинстве были совершенно не приспособлены к торгово-конторской службе. Оставалось одно — неквалифицированный физический труд. Но тут эмигранты столкнулись с конкуренцией китайцев, которую европейцам трудно было преодолеть. Китаец мог работать за 15—20 копеек в день. Он на такой заработок не только мог прожить, но еще сэкономил половину на черный день. Европейцу же такого заработка едва хватало на один хлеб» [Устрялов 1941: 14].

Эмигрантская интеллигенция разделила судьбу всех беженцев, но благодаря наличию образования ей легче было приспособиться к трудным условиям изгнания. Преподаватели и ученые, например, устраивались в открывшиеся в Харбине учебные заведения, работали в редакциях газет и журналов, кто знал китайский или английский языки, поступали на службу в местные органы власти и просвещения. Техническая интеллигенция устраивалась на работу в отделы и службы КВЖД. Многим заработка не хватало, как не хватало времени, чтобы заняться любимым творчеством. Поэтому хорошо устраивались только профессиональные историки, чей опыт, знания были

востребованы. Но и большинство из них жило скромно.

После установления так называемого независимого государства Маньчжоу-Го многим эмигрантам некуда было деться и не на что было уехать — особенно это касалось научной интеллигенции, которая никогда не была состоятельной частью русского населения. И все же, несмотря на идеологическую обработку, интеллигенция продолжала свою деятельность, стараясь сохранить целостность и национально-культурную самобытность русской колонии, тем более что в начале 1930-х гг. прояпонские марионеточные власти не стремились к роспуску обществ, кружков, благодаря которым удобнее было вести наблюдение за местным русским населением в регионе. Создание в 1936 г. общества «Киовакай» для усиленной идеологической обработки населения в прояпонском духе ухудшило ситуацию в Маньчжурии как для китайского, так и для русского населения. В круг особых интересов этой организации попали русские ученые-эмигранты, которых предполагалось привлечь для антисоветской работы с последующим использованием в войне против СССР.

Среди психологических факторов, оказавших наибольшее воздействие на сознание и духовный мир русских ученых, было чувство утраты Родины и тоски по ней, изменение социального статуса, языковой барьер, разрыв родственных связей, социальная невостребованность личности в китайском обществе, сложность профессиональной самореализации. Адаптация наиболее сложно проходила в среде гуманитарной интеллигенции, легче приходилось инженерам, техникам: они были более востребованы. То же самое касалось видных ученых, чьи имена были известны среди китайцев. Правовое положение российских эмигрантов в Китае было более тяжелым, чем у европейских или американских. Они оказались самой незащищенной группой в правовой и юридической системе Китая, в первую очередь вследствие международного положения Советской России [Наземцева 2016: 35].

Помимо правовой адаптации российских ученых к инокультурной среде, происходила и идейно-политическая, которая даже превалировала. Идейно-политические взгляды историков-эмигрантов имели особенности, обусловленные эмоциональными факторами, а именно патриотизмом и ностальгией по Родине. Это проявлялось в том, что у эмигрантов сохранялся неподдельный и глубокий интерес к событиям, происходившим в России и за ее пределами. Конечно, оценка последствий данных событий для

дальнейшего развития страны была самой различной и зависела от политических симпатий и антипатий, партийной принадлежности.

Отметим, что нельзя судить однозначно о процессе профессиональной адаптации ученых, в том числе историков. Если сравнить эмигрантов всех родов занятий и «удачливых», состоявшихся в эмиграции ученых, то процентное соотношение успешных профессионалов будет далеко неравным. Только совсем незначительная часть ученых, в том числе историков, работала по специальности, а еще реже — по призванию.

Тяжелое социально-экономическое, политико-правовое положение, психологическая неудовлетворенность и другие сложности и неудобства в значительной степени объясняют то, что многие историки, хотя и принадлежали к творческой профессии, в этих условиях не могли сосредоточиться на создании больших научных трудов, в том числе монографий, диссертаций, а если это кому-то и удавалось, то только по достижении некоторой стабильности финансового положения [Раев 1994: 200].

Трудности возникали даже с написанием малообъемных работ, в основном из-за недостатка материалов. Не было необходимых источников о России. Даже печатные материалы находились в разных городах, а при технических, юридических и экономических условиях, которые тогда существовали, копирование документов или поездки были практически недоступны для эмигрантов. Кроме того, «определенный этноцентризм, — пишет Марк Раев, — присущий историографии того времени, не позволял большинству эмигрантских историков обратиться к изучению иностранных архивных источников по истории России» [Раев 1994: 201].

Различные причины затрудняли и публикацию научных трудов. Многие историки Русского Китая не писали на иностранных языках, в том числе на китайском, а те немногие, кто это все-таки делал, могли рассчитывать на публикации только в научно-популярных изданиях и на темы, близкие к современности. Переводы стоили дорого, и организовать их было непросто, особенно в Китае, население которого в своем большинстве было неграмотно.

Таким образом, эмигрантские историки были вынуждены обращаться лишь к ограниченной русской аудитории. Естественно, подобная ситуация не вдохновляла их на материальные жертвы ради интересов науки [Раев 1994: 201]. Поэтому многие периодические издания, выпускавшиеся в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине на русском языке

ке, выходили нерегулярно и малыми тиражами. Поскольку желающих опубликоваться было много, большие труды можно было печатать только частями. Поэтому ученым с большим трудом приходилось отыскивать деньги, бумагу, затрачивая на издания много усилий и времени. Некоторым ученым публиковаться помогали благотворительные организации, но это происходило нечасто.

Более и менее регулярно выходили в свет публикации по гуманитарным наукам, в том числе по истории, праву, экономике. Выделим «Известия Харбинского юридического факультета», публикации в которых внесли большой вклад в изучение разных аспектов русской истории, а также «Ученые записки» ряда вузов Харбина.

Оценивая уровень подобных эмигрантских изданий, Марк Раев между тем подчеркивает, что эти работы написаны стилем, присущим дореволюционным научным статьям, не привлекали большого внимания и, за исключением некоторого интереса со стороны исследователей-специалистов по истории России, остались незамеченными зарубежными историками. Резюме на французском или немецком языках, имевшиеся в некоторых периодических изданиях, лишь в незначительной степени способствовали расширению их аудитории. Только статьи, содержавшие важные обобщения или новые трактовки, которые затрагивали более широкую проблематику, временами переводились на иностранные языки и печатались в зарубежных специальных журналах [Раев 1994: 202].

Высоким научным уровнем отличались работы, напечатанные в «Известиях юридического факультета». Многие статьи из этого журнала перепечатывались в Европе и США на английском, французском и немецком языках. Например, в юбилейном (1920—1930) девятом томе «Известий юридического факультета» за 1931 г. были опубликованы статьи ученых Русского Китая, в том числе историков В. А. Рязановского, Н. В. Устрялова, В. В. Энгельфельда, М. Н. Ершова, Н. И. Никифорова, Г. К. Гинса, Н. Е. Эсперова и др. Актуальность проблематики, авторитет авторского и редакционного коллектива способствовали популярности этого издания.

В плане профессиональной адаптации ученых-историков интересен еще один аспект. Речь идет о восприимчивости эмиграции к историческому знанию и изучению прошлого сквозь призму личных впечатлений. Эмигранты только что пережили трагические события революции и Гражданской войны, многие в качестве участников, и это сказывалось на темах их рассказов, эссе,

романов, написанных страстно, правдиво, по горячим следам. Не случайно такие произведения находили живой отклик у многих беженцев. Их охотно выпускали отдельными изданиями или печатали в журналах, газетах. «Интерес к мемуарам был сродни ностальгии, желанию оживить воспоминания о прошлом, пусть не самом счастливым, но все-таки незабываемом», — пишет М. Раев [Раев 1994: 203]. Примером могут служить воспоминания Вс. Н. Иванова, написанные в первые годы эмиграции по «горячим следам»: «В гражданской войне» (Харбин, 1921), «Крах белого Приморья» и др.

Если уровень первых публикаций не позволял им претендовать на научный анализ причин и сходства трагических событий в истории России, то появившиеся позже исторические романы были написаны глубже и воспринимались читателями с большим интересом. Впрочем, эти романы и мемуары порой носили субъективный характер, были далеки от «объективной истории», но у простых эмигрантов подобные сочинения находили отклик.

Если говорить о работах профессиональных историков, то они не сразу обратились к изучению событий 1917 г. и Гражданской войны. Во-первых, материал для серьезных научных исследований еще не «отлежался» и был «сырой». Не хватало документальных источников. Во-вторых, недавние события воспринимались ими еще слишком болезненно и были слишком близки, чтобы описывать их бесстрастно [Раев 1994: 206].

Гораздо позже, обкатав исторический материал в статьях, воспоминаниях, мемуарах, эссе, профессиональные историки возьмутся за написание монографических сочинений, посвященных событиям революции и Гражданской войны. Поначалу же их больше интересовало изучение Древней Руси, Русского Средневековья, Петровского периода и истории Отечественной войны 1812 г.

Обобщая вышеизложенное, делаем вывод, что процесс социально-экономической, духовно-политической и профессиональной адаптации историков, как и всей эмигрантской интеллигенции, в Китае в рассматриваемый период проходил противоречиво. В более сложном положении по сравнению с видными учеными, чьи имена были уже известны русской и китайской общественности, оказывались «рядовые» историки — учителя школ, гимназий. Интеллектуальное творчество, научная и преподавательская деятельность в эмиграции часто становились «вторым ремеслом», которым ученые, в том числе историки, занимались в свободное от

основной работы время, но которое в будущем некоторым из них принесло успех и признание в США, Австралии, куда они переехали после Второй мировой войны. В Австралию уехали А. П. Хионин, П. В. Шкуркин. В США оказались Г. К. Гинс, В. А. Рязановский, А. П. Ферафонов и многие другие.

Немаловажную роль в адаптации играл правовой статус эмигрантов, который регулировался законодательством разных политических режимов на территории Китая: советского в полосе отчуждения КВЖД, прояпонского в Маньчжоу-Го, демократического в международном городе Шанхае и др.

Что касается политических пристрастий и взглядов историков-эмигрантов, то они были разными. Среди них были монархисты, республиканцы, либералы, демократы, меньшевики, фашисты и прочие, которые, несмотря на общую цель ликвидации большевистского режима (хотя некоторые — «сменовеховцы» — были настроены даже на сотрудничество с ним), были не способны преодолеть личные амбиции и антипатии, что мешало процессу объединения. Зачастую это противоборство выплескивалось на страницы газет и журналов, проявлялось в открытых дискуссиях, в том числе на исторические темы.

И все же, несмотря на разногласия, в среде научной эмиграции, в том числе в сообществе историков, существовало объединяющее начало — духовная, историко-культурная миссия. Помимо сохранения национальных культурных традиций, историки Русского Китая вносили большой вклад в установление контактов и взаимообогащение двух великих культур и цивилизаций — русской и китайской.

Адаптация российской научной интеллигенции, в том числе занятой изучением истории, в Китае, на наш взгляд, уникальное явление. Суть этой адаптации состояла не только в том, чтобы найти вуз или кафедру для продолжения научных изысканий, для получения средств к существованию, но и в том, чтобы попытаться воссоздать российскую научную школу на чужбине, получить

возможность обсуждать и публиковать научные труды на русском языке, обеспечить квалифицированное образование и передачу лучших научных традиций молодому поколению русского зарубежья.

Всю массу русских ученых, осевших в Китае, по нашему мнению, можно разделить на три группы: 1) получившие известность еще в дореволюционной России (Н. В. Устрялов, В. А. Рязановский), но волею судьбы оказавшиеся за рубежом; 2) начавшие свою карьеру в России, но вынужденные уехать (С. М. Широкогоров, Н. Е. Эсперов, Б. Я. Владимирцев, А. Г. Малявкин); 3) получившие образование за границей (Г. В. Мелихов, В. С. Стариков).

Дальневосточная русская эмиграция характеризуется уникальными особенностями. Как показано выше, на характер профессиональной адаптации ученых огромное влияние оказали условия страны пребывания.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай, 1920—1950 гг. — Хабаровск, 2003. 191 с.
2. Балакшин П. Финал в Китае: (Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке). — Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк, 1958.
3. Вопросы школьной жизни. — Харбин, 1925. № 3. С. 1—3; 122—125.
4. Горкавенко Н. Л., Гридина Н. П. Адаптация российской научной интеллигенции в странах дальневосточного зарубежья в 20—30-е годы // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. — Владивосток, 2000. С. 63.
5. Государственный архив Хабаровского края = ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.
6. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 60. Л. 304—305.
7. ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—24.
8. Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. — М., 1991.
9. Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920—1940 гг.). — СПб., 2016. С. 35.
10. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939 гг. — М., 1994. 296 с.
11. Русский голос. 1920. 25 сент.
12. Серебренников И. И. Мои воспоминания... Т. 2. В эмиграции (1920—1924). — Тяньцзинь, 1940. 262 с.
13. Устрялов Н. В. У порога Китая. — Харбин, 1941. С. 14.
14. Чернолуцкая Е. Н. К вопросу о численном составе национальных колоний в Маньчжурии до 1917 г. // Россия и АТР. Содружество на рубеже веков : материалы 1-й Междунар. науч.-практ. конф. — Владивосток, 1999. Кн. 2. С. 26—33.

Wu Yanxi  
Shaoxing, China

Qiu Sue Pin  
Vladivostok, Russia

#### TO THE QUESTION OF CULTURAL-LINGUISTIC AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF EMIGRANTS FROM RUSSIA

**ABSTRACT.** *The goal of the article is to disclose the problem of cultural-linguistic and professional adaptation of emigrants-historians of the "first wave" and to answer the following questions: What was the mission of the Russian emigrants, especially of the intellectual class; What was the role of emigrants-historians in Russian China in the flow of Russian emigration; What were their functions? The authors believe that the best people of Russia were forced to emigrate; they were the bearers of the culture, people of science and education. These people had the mission of preservation of the culture, historical memory, values and traditions of Russia; they tried to interpret the meaning of the tragic experience of the revolution and the Civil War. The novelty of this research is in the fact that being in exile, emigrants-historians constantly emphasized the similarity of the fate of emigrants from Russia. Some of them defended the Soviet regime and tried to come back to Russia; the others fought against it in all the possible ways: in their literary works, scientific papers, etc.*

their main weapon was the word. In their scientific papers they analyzed and interpreted the situation in Russia, they were concerned about its fate, they made plans for its revival and renewal. The article describes the political aspects of cultural-linguistic and professional adaptation of emigrants-historians of that period. Russian emigrants did not melt in the Chinese society, they rather adapted to the new reality. It was impossible for the emigrants-historians to unite due to their differences in political views: there were monarchists, republicans, liberals, democrats, the mensheviks, fascists and those who were eager to get rid of the Bolshevik's regime, or those who were ready to join the Bolsheviks. In spite of the differences in views, there was a connecting link in the scientific groups, including historians – it was spiritual; and historical-cultural mission of emigration. The historians of the Russian China, except for preservation of the national cultural traditions, made a great contribution in communication between two cultures — Russian and Chinese.

**KEYWORDS:** emigrants-historians; historical mission; social adaptation; Russian; emigrants from Russia; people's traditions; diaspora; intellectuals.

**ABOUT THE AUTHORS:** Wu Yanxiu, Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer, Deputy Director of the Institute of European Languages, Head of Department of the Russian Language, Zhejiang Institute of Foreign Languages, Shaoxing, China.

Qiu Sue Pin, Post-graduate Student, Department of Russian History, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

#### REFERENCES

1. Aurilene E. E. Rossiyskaya diaspora v Kitae. Man'chzhuriya. Severnyy Kitay. Shankhay, 1920—1950 gg. — Khabarovsk, 2003. 191 s.
2. Balakshin P. Final v Kitae: (Voznikovenie, razvitie i ischeznoenie beloy emigratsii na Dal'nem Vostoke). — San-Frantsisko, Parizh, N'yu-York, 1958.
3. Voprosy shkol'noy zhizni. — Kharbin, 1925. № 3. S. 1—3; 122—125.
4. Gorkavenko N. L., Gridina N. P. Adaptatsiya rossiyskoy nauchnoy intelligentsii v stranakh dal'nevostochnogo zarubezh'ya v 20—30-e gody // Rossiyskaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke. — Vladivostok, 2000. S. 63.
5. Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraja = GAKhK. F. 830. Op. 1. D. 35. L. 9.
6. GAKhK. F. 830. Op. 1. D. 60. L. 304—305.
7. GAKhK. F. 830. Op. 1. D. 88. L. 1—24.
8. Melikhov G. V. Man'chzhuriya dalekaya i blizkaya. — M., 1991.
9. Nazemtseva E. N. Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitayskikh otnosheniyakh (1920—1940 gg.). — SPb., 2016. S. 35.
10. Raev M. Rossiya za rubezhom. Istoriya kul'tury russkoy emigratsii 1919—1939 gg. — M., 1994. 296 s.
11. Russkiy golos. 1920. 25 sent.
12. Serebrennikov I. I. Moi vospominaniya... T. 2. V emigratsii (1920—1924). — Tyan'tsin', 1940. 262 s.
13. Ustryalov N. V. U poroga Kitaya. — Kharbin, 1941. S. 14.
14. Chernolutsкая E. N. K voprosu o chislennom sostave natsional'nykh koloniy v Man'chzhurii do 1917 g. // Rossiya i ATR. Sodruzhestvo na rubezhe vekov : materialy 1-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. — Vladivostok, 1999. Kn. 2. S. 26—33.